

1 ИЮН 1985

РЕПЛИКА

Надежды маленькой оркестр

Внимательным стал наш зритель. Научился глубоко понимать и ценить искусство.

«Пришла с внучками,— пишет в «Советскую культуру» москвичка Э. Абрамова,— в театр на балеты «Приключения Пинокио» и «Ребята нашего двора», которые показывают в одном спектакле для детей. Велико было наше удивление, когда вместо оркестра мы услышали... фонограмму через динамики. И это в Московском театре оперетты! Я и мои внуки считаем: с записью музыки можно познаться и дома. Магнитофоны и проигрыватели есть у многих... Почему Московский театр оперетты лишает малышей радости услышать дыхание живого оркестра?»

Держал я это письмо в руках и думал: «Что случилось? Ведь речь не о маленьком городке, где нет хорошего оркестра. И не о том, что современная звуковоспроизводящая техника позволяет достичь таких эффектов, которые порой не под силу обычному оркестру. Отчего же крутят фонограмму детям в прославленном Московском театре оперетты?»

И попросили из редакции ответить на письмо москвички тех, кто отвечает за порядки в столичных театрах. И пришел в начале апреля с. г. на ее письмо вот такой ответ:

«Главное управление культуры Мосгорисполкома, внимательно рассмотрев ваше письмо, сообщает: спектакли театра оперетты «Пинокио» и «Ребята нашего двора» в указанном вами случае шли под фонограмму в связи с тем, что большой состав оркестра практически не расходуется с вечерним спектаклем. В настоящее время балеты идут в сопровождении оркестра. Первый заместитель начальника В. Селезнева».

«Вот и прекрасно! — порадовались в редакции. — Раз сообщается, что балеты идут теперь в сопровождении оркестра, значит, признана правомерность претензий к их показу детям под фонограмму...»

И вдруг совсем недавно новое письмо Э. Абрамовой: «Пишу вам вторично, так как получила ответ В. Селезнева по поводу идущих в Московском театре оперетты балетов для детей под фонограмму. Удивительно, что первый заместитель начальника Главного управления культуры Москвы подписал письмо, не проверив...»

«Как это понимать? — обратились на этот раз из редакции прямо в театр. — И что означает, кстати, более чем туманная для не посвященных в закулисную жизнь театра оперетты фраза о том, что «большой состав оркестра... практически не расходуется с вечерним спектаклем?»

«Балеты, о которых идет речь,— пояснили в театре,— мы до сих пор даем детям по воскресеньям утром под оркестр, а днем — под фонограмму. То, с чем столкнулась читательница «Советской культуры», — не случайный эпизод в жизни нашего театра, а его будни. Иначе у наших музыкантов, которым предстоит еще играть в воскресенье вечером для взрослых, будет большая переработка. Вот почему как смотрели у нас эти балеты днем под фонограмму, так и смотрят их под нее до сих пор. Понимаем: надо избавляться от фонограммы, но каким образом — нам пока самим не ясно. И, конечно, вы правы: уж коли до сих пор спектакль для одних детей идет под оркестр, а для других продолжает идти под фонограмму, это обязательно должно быть отражено в афише, программке. Чтобы зритель не считал, что его детей обидели, что покупал он, зритель, билеты на одно, а показали его малышу другое...»

Так кто же поможет теперь малышам в их надежде услышать живой оркестр в столичном театре оперетты? И скоро ли, как сказал поэт, «под управлением любви» Главного управления культуры Мосгорисполкома перестанут обижать детей в театре с помощью динамика?

К. РАСПЕВИН.